

Параллели "Гл"

Александра ЛАВРОВА

Новосибирский молодежный театр "Глобус" открыл нынешний сезон двумя премьерами — "Путниками в ночи" по пьесе Я.Гловацкого "Антигона в Нью-Йорке" в постановке Бориса Морозова и "Дон Гуаном" и "Русалкой" А.Пушкина в постановке Вениамина Фильштинского.

В последнее время визиты столичных режиссеров в новосибирские театры перестали восприниматься как нечто экстраординарное, и Морозов, и Фильштинский ставят в "Глобусе" не в первый раз и имеют много откликов в местной прессе. Спектакли при этом часто хвалили и бранили за одно и то же. Особенно, пушкинскую постановку. За трактовку Дон Гуана (В.Ковалев), которого называли и циничным, и философствующим. За Донну Анну (студентка театрального училища А.Фомичева), которая названа и пассивной, и страстной. За чрезмерную, с точки зрения многих, "красивость" спектакля (сценография Ф.Орлова, хореография Ю.Василькова, свет Г.Фильштинского — петербуржцев, музыка Э.Глейзера — новосибирца).

Но кого сегодня в Новосибирске удивит тем, что в "Глобусе", театре западной ориентации и высокой технической оснащенности, ставят красиво?

И все же красивость в этом спектакле одухотворена и полна смысла. Если основная идея обеих частей спектакля — идея возмездия, то свет-цвет-музыка, круги, рассекающие сцену и увлекающие героев к гибели, — как бы равноправные партнеры в диалоге. Свет — дивный, а вовсе не зловещий, бьющийся из неведомого ирреального мира, на уровне зрительской интуиции воспринимается не как карающий, он дарует избавление и всепрощение. Неда-

обуса”

Кусьбура. —
1998. 22 янв.
с. 7

ром в спектакле нет живого Командора, есть распахнутая дверь в усыпальницу и в покои Донны Анны, льющийся оттуда свет играет роль Командора, а его слова произносит Дон Гуан, разыгрывая диалог за двоих.

Зрительские слезы на мелодрамах Ильф и Петров призывали собирать в графины. Давно не приходилось мне в современном театре быть свидетельницей чистых, искупительных зрительских слез, пролитых не на мелодраме, а на трагедии.

Дон Гуан между тем — действительно современный молодой человек. В исполнении В.Ковалева — не просто современный, а новый русский в длинном плаще с заклепками. Он не знает раскаяния, он не ведает истинного чувства, он играет жизнью, потому что привык играть. Русский Дон Гуан наших дней не боится возмездия, но с вызовом восходит на свою голгофу, чтобы достойно принять смерть.

Он распят на вращающемся круге, разрезающем сцену.

Эти черные круги изображают и мельницу в “Русалке”. Декорации не меняются. Две трагедии повязаны кругами и цветом. Черная сцена — белый свет.

Как-то совершенно неважно становится, что сцены “Русалки” переставлены режиссером в соответствии с пометами автора, открытыми в рукописях Пушкина В.Рецептером.

Важна тема — стремление к саморазрушению, экзистенциальная жажда расплаты и облегчение, которое она приносит. Князь (Д.Готсдинер) идет умиротворенно навстречу сладкому возмездию.

Синтетические возможности театра, попытка воздействовать на зрителя всем комплексом сценических средств прослеживаются во всех последних работах “Глобуса”. Сцена театра открыта для поиска. Разве это не главное?